

Сергей Бурдыгин

ПОВЕСТЬ О ПЯТОЙ ЛАВОЧКЕ

Рассказы о нас

Сергей Бурдыгин

**Повесть о пятой
лавочке. Рассказы о нас**

«Издательские решения»

Бурдыгин С.

Повесть о пятой лавочке. Рассказы о нас / С. Бурдыгин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837009-0

Эта книга — действительно о нас с вами и о тех, кто живёт рядом. Сельский учитель, врач, жители дачного посёлка, продавцы на рынке, бомжи из парка напротив, — этими героями населены рассказы и повести Сергея Бурдыгина. Они не совершают громких поступков, не бьют рекорды, но их негромкая жизнь тоже наполнена дружбой и предательством, искренней любовью и даже ненавистью...

ISBN 978-5-44-837009-0

© Бурдыгин С.
© Издательские решения

Содержание

Стая	6
1	7
2	9
3	11
4	13
11	21
ЛЮДИ-ЛЕБЕДИ	22
2	24
Глава вторая	28
2	30
Глава третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Повесть о пятой лавочке
Рассказы о нас
Сергей Иванович Бурдыгин

© Сергей Иванович Бурдыгин, 2017

ISBN 978-5-4483-7009-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стая
Из жизни сельского учителя
конца двадцатого века

1

Степные грибы в Целинном ели, наверное, только коровы да Чернов с доктором. Остальные жители поселка, – почти все казахи, – брезговали. Говорили: на мышей эти шампиньоны похожи.

А сами сусликов уплетали – ничего.

Тогда, на излете восьмидесятых, никто еще не знал, что пройдет совсем немного, и грибы эти станут деликатесом по причине отсутствия в совхозе зарплат, а в магазинах – дешевых продуктов.

Все плохое только начиналось.

А, может, заканчивалось, – даже теперь в этом разобраться сложно.

Тогда же... Выйдешь летом в степь – словно белых голышей кто понакидал, издалека видно. Было, что собирать.

Но это – летом.

А зимой они с Лебедевым по вечерам открывали, душой радуясь, очередную банку маринованных (самими же!) шампиньончиков, томили на печи картошку со сметаной, и не было, точно не было в поселке тогда людей счастливее.

Сели вечерять (слово это Чернов полюбил особенно здесь), только зашаркали ложками по сковородке, – стук в дверь.

Морозный пар ввалился в квартиру раньше вошедшего. Каержан Талгатович – учитель труда, географии и физкультуры, заявился, глухо топая ногами в шерстяных носках.

– А что ж ты, Коля, валенки в сених оставил? – поинтересовался доктор Лебедев, – застудишь нижние конечности, как домой пойдешь?

– У вас останусь, – хмыкнул сосед, – вы одни?

– Кот где-то шарится. А что?

– Тогда и валенки занести можно, – Коля-Каержан вернулся в сени и затащил не только обувь, в руке у него блестела бутылка беленькой:

– Спрятал вот гостинец в валенке. Вдруг директрису к вам занесет.

– Боишься?

– Уважаю, – гость по-хозяйски отодвинул стул, уселся, – Это вам приехал-уехал. А мне здесь жить еще. В город на выходные кто отправляется?

– Доктора очередь, – вздохнул Чернов, – а мне печку топить. Грибы не предлагаю. Кильку в томате будешь? Закусывать-то надо.

– Надо, – согласился Каержан, – да и поговорить есть о чем. Мне попутчика завтра к вечеру нужно. Вот ты, Валера, и пригодишься. А доктор, он не поехал бы.

– Смотря куда, – Лебедев деловито откупорил консервную банку, подрезал хлеба, – если, скажем, по бабам...

Чернов улыбнулся. Уж кому-кому, а Лебедеву о таком говорить – только людей смешить. Ну ладно, на местных не смотрит, – у каждого народа своя красота, – так ведь и с Людкой из райкома комсомола, и с той на день учителя даже танцевать не стал. А уж ей-то не только музыки хотелось, не зря принесло ее из райцентра на традиционную октябрьскую гулянку сельской интеллигенции, не с поздравлениями же и не взносы собирать. А доктору – хоть бы что. Посидел за столом, поулыбался в пушистые усы, да и пропал к концу праздника – в медпункт, дескать, надо. Людка не поленилась, до медпункта добежала, думала, намекает... Зря шароежилась, доктор уже дома дрых.

Каержан глотнул рюмку, подкрепился килькой и серьезно на Чернова посмотрел.

– В Казахстан завтра поеду, – сказал, – отца лечить.

– Так и отец поедет?

– Нет. Ему нельзя. И мне одному нельзя. Степь же. А своих просить – засмеют. Я же комсорг здесь, на отделении. Нашли грамотного.

– А с чего засмеют-то?

– С того. К мулле поеду. Ты же вот отца не вылечишь.

– Я такое вылечить не смогу, – Лебедев налил еще, – я же тебе говорил уже...

Отцу Каержана отсчитывал дни рак пищевода. Старик уже есть без ледяной воды запивку не мог, боль мучала. И в здоровые-то времена сухой, как редкий местный тополь, Талгат Караев за считанные месяцы порастерял силы, побелел весь, выцвел взглядом. Но на работу, – к отаре, – ходил все равно, поднимался раньше всех, шагал за поселок, к кошарам, хрустя утренним снегом и жадно вдыхая морозный воздух. Чернов его видел редко – старый чабан плохо говорил по-русски и учителя стеснялся. Зато сыну говорил:

– Держись Валерия Сергеевича. Он грамотный, я на родительском собрании его слушал. И ты таким стать должен. Кто-то из нас должен.

А вот Лебедева старший Караев уважал мало:

– Какой он доктор? – говорил, – Даже рецепта не выпишет.

Лебедев действительно был только фельдшером, медпунктом местным заправлял, ФАПом, – уколы делал, таблетки давал, роды принимал, если машина до районной больницы вовремя не находилась. Местные жители, когда его сюда прислали, только головами качали – такой молодой мужик, и, считай, в медсестры подался. Удивлялся этому поначалу и Чернов, но Лебедев рассказал вскоре, что попросили его с третьего курса мединститута за чтение неких «политглупостей», и попросили, в общем-то, ненадолго, на год всего, но год этот надо было в такой дыре отпахать, чтобы ни в одном парткоме потом не придрались. Что это за глупости, доктор не рассказывал, но Чернов понял однажды, что не совсем уж были они и глупые.

Случилось как-то Валерию в райцентр за учебными пособиями поехать, там его и попридержал на улице маленький сморщенный человечек с усталыми глазами.

– Заходите, – сказал, – что же вы все время мимо?

В кабинете человечек дежурно поинтересовался житьем-бытьем, планами на будущее («и вы от нас через год сбежите, все вы, распределенные, так»), а потом осторожненько вопросик задал:

– Вас ведь с фельдшером поселили?

– Да. С доктором.

– И как он?

– Что – как?

– Живет как? Читает? Телевизор смотрит?

– Газеты, вы же знаете, к нам раз в неделю приносят. Телевизора нет, да программы берут они в Целинном плохо, антенну надо до Луны тянуть...

Сморщенный человечек, смешно шаркая, подошел к окну и посмотрел на деревья:

– А радио? У вас, я слышал, хороший ламповый приемник есть.

– Есть, – простодушно согласился Чернов, – я от родителей привез. Так ведь он старый...

– Ага, – сказал путано человечек и сделал нужную, наверное, паузу.

Насчет приемника Чернов немного испугался. Аппарат этот был настолько мощным, что ловил даже радио Кувейта на русском языке, где крутили рок-музыку, в том числе и малоизвестную нашу. Разумеется, и «голоса» ловились, причем, намного чище, чем в городе, наверное, степь была тому причиной, на нее «глушилок» не напасешься.

– Ага, – повторил человечек, – скоро вас и муллу послушать позовут. Хотя – мечетей-то там нет, правда?

2

Вообще-то поселок Целинный собственно Целинным-то и не был. В прежние времена на подробных картах значился здесь небольшой аул со странным названием Караси, которое Чернов поначалу принял за причуду казахского словообразования. Но все оказалось, как водится, проще. Пришедшие некогда сюда поселенцы обнаружили посреди степи небольшое озерцо, кишевшее непугаными карасями, которых занесло сюда, видимо, когда-то заблудшими в дождливые годы вешними водами. Так и назвали поселение, недолго думая, – Караси. И звался поселок так, даже став самым дальним отделением овцеводческого совхоза, во времена, когда уже и об озерце напоминал только овраг, поросший чахлым кустарником.

И звался бы так и дальше («Карасинская восьмилетняя школа» – вот была бы запись в трудовой книжке!), но однажды пустили сюда рейсовый автобус из города (поселок-то, хоть и маленький, но уж совсем отдаленный). А, пустив, призадумались: больно несолидно как-то маршрут в расписании обозначать. Вот и родилась новая схема на старый лад:

– Там степь, говорите?

– Степь.

– Целина, значит.

– Ну, в общем-то, да.

– Тогда и назовем поселок Целинным!

– Но там целину вроде как не освоили. Овец в степи пасут.

– Но ведь пасут же!

– Пасут.

– А хлеб растят?

– Есть немного.

– Значит, освоили. Автобус хотите?

– А как же.

– Вот и не возражайте.

Так вот примерно Целинный и переименовали.

А Чернов сюда попал по наивности. Пединститут он окончил чуть-чуть не с красным дипломом, и потому все надеялся, – до последнего тянул, – что найдется ему все-таки местечко в городе или рядышком, но места этого так и не нашлось (кто бы его искал!) и поехал он уже под самое первое сентября по распределению в тот район, куда его направили. Заведующий районо сонно посмотрел на молодого учителя сквозь дальнотзорные очки-лупы и тихо спросил:

– Чего так поздно?

– Так, – просто ответил Чернов.

– Сбежишь? – вздохнул заведующий районо.

– Наверное, – честно промямлил Валерий.

– Марь Петровна! – закричал заведующий в стенку кабинета, – Оформляй бегунка! В Целинную восьмилетнюю! Русский язык и литература. Высшее образование!

– Высшее? – ахнуло из-за стенки, – Да у нас и в райцентре не везде...

– И там не будет. Сбежит он. Но хотя бы четверть проработает. Хотя бы четверть, слышишь?

Последние слова были обращены к Чернову, и тот уныло согласился, кивнув. (После первой четверти пошла вторая, за ней третья, не бросишь же ребяташек посреди учебного года).

Потом он долго трясся в кузове какого-то грузовика, между мешками с мукой и флягами с подсолнечным маслом, деревянные борта стонали и скрипели на каждом ухабе, и степь вокруг, – до самого горизонта, – была чужой и лишенной жизненного смысла.

А потом грузовик, хлюпнув мотором, нырнул в лощинку, и вот он – Целинный.

3

Тулуп Чернову достался кутающе теплый, длинный, лучше всякого спального мешка.
– Ты лицо укрой, – посоветовал Каержан, – ночью зимой в степи лучше не высываться, прихватит. Бурана бы только не было.

Собирались уже затемно. Каержан бухнул в сани тяжелый мешок:

– Полбарана. И еще гостинцы. На такое не жалко. Вон там – ружье, ты поосторожней. Два патрона всего, но есть все-таки. Страшно?

– С чего бы?

– Дорога-то неблизкая, километров двадцать будет. Я когда первый раз с отцом в степь зимой выезжал, боялся очень. Снег белый, небо черное. И все. Но ничего. Летом ездили, и сейчас доберемся.

Летнюю поездку Валерий помнил. Тогда путь из их российской Степной области в казахстанский колхоз кто-то метко назвал дорогой жизни. После горбачевского «сухого закона» из местного сельмага враз исчезло спиртное, вот в соседней советской республике с «засухой» торопиться не стали, вермут там еще был. И потянулась из Целинного к соседям вереница гонцов за желанным товаром, причем, не только на автомобилях – и велосипедисты были, и конные, а кто и пешком хаживал, даже на комбайнах ездили. А уж на обратном пути мало кто удерживался от дегустации. Иных тут же на солнышке сон одолевал. Ехали тогда, помнится, то тут, то там – люди на обочине лежат.

Потом, конечно, все, что нужно, доставать научились, да и самогонка в ход пошла. А на выборы даже пиво разливное в магазин привезли, мужики его ведрами брали, сначала ведро купят (куда ж наливать-то?), а уже потом – «Жигулевское».

Вспомнили о той поре, посмеялись. По Каержану, правда, видно было, что мысли его занимают совершенно другие. Под стать отцу учитель географии, труда и физкультуры был строен, сухопар и точен в движениях. Сзади посмотришь – мальчишка-старшеклассник. Но во взгляде его уже виделась мужская сметка, хитроватые морщинки у глаз выдавали явно не простака.

– А знаешь, Валерий Сергеевич, – неожиданно сказал он, слегка подстегнув неторопливо бегущую лошадь, – хорошо, что мы доктора с собой не взяли.

Лебедев после обеда, заперев медпункт по случаю субботы, укатил на попутке в город, оставив Валерия хозяйствовать. Печку в доме без пригляда и впрямь оставлять было нельзя, дом доктору с Черновым выделили служебный, в одну комнатку, здесь, как рассказывали, раньше была почта. Потом почту прикрыли – карасинцы стали меньше писать письма, читать газеты и журналы и уж тем более – посылать друг другу посылки. Печь, потеряв постоянных хозяев, к людям как охладела – то дымить начинала, то валиться. Горожане от рождения, Лебедев с Черновым долго привыкали к ее характеру, но так до конца и не приучились – бывало, с ведра угля в комнате Африка начиналась, а, случалось – хоть всю ночь подсыпай, утром в комнате холодрыга.

– Хорошо, что не взяли? – удивился Чернов насчет Лебедева, – Да он вроде человек добрый, смирный.

– Добрый человек, – согласился возница, – но... Он, говорят, запрещенным чем-то в институте занимался, вот его к нам и сослали.

– Это чем же?

– Власть ругал.

– Да сейчас уже все ругают. Горбачев, перестройка.

– Да какая разница! Если в стране власть ругать, хорошего не жди. Развалится все.

– А Ленин?

Комсорг отделения совхоза немного помолчал. Потом сказал медленно:

– Там надо было... Но, пошла, пошла, родимая, заснешь еще...

Лошадь и впрямь никуда не торопилась, несмотря на понукания. Звали ее Звездочкой, и использовали вроде как для школьных нужд, впрочем, заведующий отделением, если что, всегда машину давал, у него в здешней восьмилетке пятеро детей учились по разным классам. Так что Звездочку брали все, кому не лень, даже Лебедев с Черновым, случалось, ездили на ней в сельмаг за покупками, хотя пешего ходу туда было всего минут десять.

И сам поселок можно было обойти за каких-то полчаса. Дворов сорок – не больше. Правда, жителей для восьмилетней школы достаточно, казахи, особенно сельские, – народ многодетный. И все равно в самом большом – седьмом классе было всего восемь учеников.

А в первом их было всего трое.

4

Звездочка была лошадию спокойной и всеми любимой. Впрочем, это не мешало ей однажды пребольно ущипнуть Чернова за локоть, – непонятно даже, за что. Валерий синяк на руке показал Лебедеву. Доктор улыбнулся, головой кивнул:

– Небось, мучал животное?

– А то. Истязал ежесекундно.

– Просто так она никого не укусит. Чужой ты ей. Чуешь?

Чуял Чернов, чуял. Чужим он был не только Звездочке, это выходило бы пол-беды, иногда считал он себя аппендицитом во всем Целинном, тут хоть расшибись, ничего не изменишь. Помнится, едва он приехал сюда, вещи разместил, ну, и побрел, как водится, в местный сельмаг, – надо же знать, от чего себя отучать в ближайшее время. Отучать, как выяснилось, было-то особенно и не от чего, – хлеб-макарены на прилавке присутствовали, консервы наличествовали, о водке и прочем говорить и не приходилось – выбор был. Разве что подсолнечное масло пришлось покупать «в разлив», но тут симпатичная продавщица Мариам помогла, нашла тару из-под какого-то рислинга. И вот шел он тогда из магазина, относительно счастливый и собой довольный, шел и представлял, как войдет в свой первый в жизни учебный класс и скажет что-нибудь такое, шутовское и главное, от чего потом вся его школьная работа станет легче.

– А это кто, дедушка? – слышался детский голос. (Здесь казахи и между собой объяснялись на русском, когда речь шла о вещах обыденных).

– Чеченец, наверное, – веско определил старик..

– Строитель.

– Ага. Шабашник.

Дедушка был серым и лысым, длинная дряблая шея делала его похожим на черепаху. Фамилия его была Сапеев, внук деда оказался удивительно тупым пятиклассником с вечной по любому поводу улыбкой. Старик же слыл мудрым, хотя и со странностями, аксакалом.

Как-то Лебедев с Черновым (по большей части Чернов, конечно) решили завести собаку. Школьники тут же притащили щенка-дворянку, ржавого, как здешняя степь к осени, окраса. Щенок добродушно скалил зубы, тыкал всюду холодный нос, и через два месяца уже бегал по выходным за уходящим в город автобусом, если кто-то из хозяев уезжал. Пробежит так с километр, и – назад. Тосковал, что ли? Лебедев по этому поводу заметил:

– Я где-то читал, что когда хозяин из дома выходит, собаке кажется, что он покидает ее навсегда...

Пса назвали Опалом, дурацкая эта кличка родилась из не менее глупой затеи доктора, который предложил написать на бумажках несколько кличек, побросать их в шапку, а потом вытянуть, не глядя. Бумажки писали все, кому не лень, даже директриса сподобилась, и вот, в результате, Чернов вытащил название болгарских сигарет, очень тогда популярных.

Однажды утром он проснулся пораньше, вышел на улицу и вздрогнул: под переключенной сарая, в котором хранился уголь, на истертой бельевого веревке висел мертвый Опал.

Говорят, его повесил дед Сапеев. Якобы за то, что пес лаял на его овец. Или потому, что старик не любил чужаков и по-прежнему считал их чеченцами или еще черт знает, кем, – не любил, в общем.

Доктор Лебедев напился, ходил под окнами у Сапеевых, ругался матерно и обещал залечить деда до смерти при первом удобном случае.

Случая не представлялось – старик оказался крепким и живучим, как многое из того, что сорняком или доброй травой поселялось здесь в людских душах.

5.

Власть они с Лебедевым, конечно, вечерами ругали – а толку? Это раньше, в начале учебного года и радужных надежд, волновали еще, беспокоили Чернова проблемы мироздания, и мучила здешняя усталость жизни.

– Неужто никто не знает, как они тут существуют? – кричал он доктору вечерами, – неужто эта глушь, эта окраина бытия – предназначение человека?

– А ты осчастливить их хочешь, жизнь новую устроить? – злился Лебедев, – Ишь ты, нашел туземцев. Да они умнее нас с тобой во сто крат, когда дело практической жизни касается. Толстого им читаешь, Достоевского, а это им нужно? Они тут рождаются в семье чабанов и жить будут чабанами, и умрут ими. И волнует их не то, почему Анна Каренина под паровоз бросилась, а как зимой отару от болезней да волков уберечь, вот и все.

Не все, конечно, совсем не все, бабки местные даже плакали, когда Черненко – недолгий генсек страны и партии умер, но по-существу выходило, что страна эта, слабеющая с каждым днем, отдалялась от здешнего бытия все дальше и дальше. Даже приход непривычно молодого, говорливого лидера с красноватой знаковой, как оказалось позже, отметиной на лбу население Целинного встревожил, ворохнул только один раз – когда по известному Указу исчезло из магазинов спиртное. Реже стали ходить автобусы, – ну и пусть, все равно там, в городе, в магазинах покупать нечего, на полках – одни банки с желтыми соевыми огурцами. У Лебедева в ФАПе таблетки стали наперечет, – можно и травками подлечиться, дома в совхозе строить перестали, – так и новоселов в поселке давно не было, учителя с докторами – не в счет, те поживут с годок и – поминай, как звали.

Ко второй школьной четверти Чернов пылкость свою в разговорах поумерил, стали беседовать более от скуки, нежели с желанием истину обнаружить. И доктора можно было уже спокойно в мединститут возвращать, бунтарством от него уже и не пахло.

– Мы, человеки разумные, доразумнились до того, что вернулись к стайной жизни, – говорил он, – чья стая сильнее, тому и нора потеплее достанется. Вот была наша страна сильной, никто на нее и цыкнуть не смел, кроме американцев. А сейчас... Живем по своим норам, и все. А кто виноват? Власть? Да не только и не столько даже. Просто нынешнему человеку жить по норам удобнее. А, может, так и надо, а? Вон, суслики, живут себе так в степи, в ус не дуют, и ведь их вон как много, значит, природе они – во благо.

– Лисам они во благо, коршунам, – оживлял разговор Чернов, но доктор отмахивался, отягощенный знанием жизни:

– И что в том плохого?

Когда Лебедев напивался, он становился уныло лаконичным.

6.

– А знаешь, сколько баранов в мире? – неожиданно спросил Каержан.

– Это ты о тупых людях? – улыбнулся Чернов, – таких полно. С меня можешь счет начинать. Поперся вот с тобой в степь на ночь глядя...

Снег под санями почему-то перестал хрустеть, так что разговаривать стало легче.

– Не поперся, а поехал помочь. А вообще-то я про настоящих баранов, про овец, точнее. Их на Земле, оказывается, больше миллиарда, представляешь? И шерсти они дают два миллиона тонн ежегодно. Вот как.

– Это ты к чему?

– Да так, – Каержан чуть подернул вожжи, правда, Звездочка темп своего бега (или шага, судя по скорости) от этого никак не изменила, – а больше всего овец знаешь, где?

– В Казахстане. Или в Туркмении.

– Нет. В Австралии.

– И что?

– А то – у нас тоже овцы. Но как австралийцы живут, и как мы...

– Ну-ну. Комсорг, одно слово. А еще Лебедева ругаешь.

Каержан помолчал немного, потом сказал:

– К Аману опять вчера приезжали. Оттуда, – он махнул рукой вперед, – Опять мужчины собирались, говорили.

– О чем?

– Все о том же. Из России, говорили, уходить надо.

– Куда ж вам уходить? Страна-то одна – Союз наш, Советский.

– Наш... Скоро, говорят, его не будет.

– Это почему же?

– А из-за Лебедева твоего. Ну, и из-за таких, как Аман.

Каержан опять подстегнул лошадь, теперь уже серьезнее, и Звездочка оживилась, потащила сани быстрее.

Амана Шиханова – местного зоотехника, Чернов встречал на улице часто. Тучный, с мягковатой походкой мужчина, расплывался в улыбке еще издали:

– Доброго здоровья вам, Валерий Сергеевич! Как дела в школе? Не нужно ничего? Может, молока свежего сын принесет, мяса немного?

Странное дело, но Чернов всегда отнекивался: мол, все есть, ничего не требуется, хотя, бывало, случалось им с Лебедевым и откровенно голодать, когда задерживали зарплату. И на бешбармак к Шихановым они с доктором не заходили ни разу, пусть и звали. Была, чувствовалась в этой приветливой, корсачьей улыбке зоотехника некая затаенность. Даже вроде и польстит Шиханов, цветастое слово скажет, а все равно как бы свысока. Бывало, подойдет, пожмет руку, посетует, вздыхая:

– Мне вот книги читать некогда. Родители не приучили. Вы вот нашли силы, выучились, уважаю. Всем говорю: далеко у нас пойдет Валерий Сергеевич, еще в институте преподавать будет...

А сам будто бы и насмехается.

Зато к другим жителям поселка Чернов ходил запросто. И что не ходить: заглянешь проверить, где в доме ребенок уроки учит, как живет, а тебя уже к дастархану ведут, подушки подкладывают, чтобы сидеть удобнее было. Уж без чая-сладостей никогда не отпустят. А где чай, там и разговор, и редко, чтобы только о школе, обо всем речь вели – мало ли у людей тем для бесед находится. Приглашали на дни рождения, на проводы в армию, просто по случаю, когда родственники приезжали. Чужим Чернов там себя не чувствовал, говорить при нем старались по-русски, вилку-ложку давали (чтобы бешбармак рукой не загребать, как все) и даже песни русские запевали и слушали с удовольствием. Часто по утрам обнаруживали они с Лебедевым у себя на крыльце банку с парным молоком (явно не амановским), и было в этой общей безымянной заботе гораздо больше тепла, чем в слащавой улыбке зоотехника.

Доктор по этому поводу, правда, ворчал:

– Пока ты не приехал, таких подношений не было. А я ведь их лечу, роды принимаю...

Каержан – тот вообще зазывал на ужин порой даже насильно, хотя у самого жена не работала, с маленьким ребенком в декретном отпуске сидела, забот полно, зато денег мало.

А на двадцать третьего февраля им с Лебедевым подарили в сельском клубе аж десять пачек индийского чая, под дружные аплодисменты на праздник собравшихся карасинцев.

Подарок, надо сказать, по тем временам прямо-таки сказочный.

Зимняя степь, особенно ночная, кажется пустой и безжизненной. То ли дело – весной, когда здешнее разнотравье живет, греется на солнце каждой клеточкой, еще не ведая, что это самое доброе солнце уже к середине июня начнет беспощадно выжигать, превращать в унылую ржавчину звонкую россыпь майского цвета.

– Весной степь пахнет женщиной, – сказал однажды неожиданно Каержан и, помолчав, добавил, – первой женщиной, самой первой...

Лебедев тогда, помнится, посмеялся над соседом: тебе бы, мол, литературу преподавать, тогда и Чернов бы здесь не маялся. Но позже, уже к вечеру заметил:

– Экие в них поэты живут, а? Не разглядишь сразу...

Нынешняя степь пахла холодом и лошадиным навозом. От снега и звезд стало светло, но разнообразия пейзажу это не прибавило – черные точки редких кустов и камней сливались в одну темную полосу у горизонта, и казалось, что только там, за этой полосой, живут еще люди, бродят животные и летают птицы. А тут – никого, только они в саях, да Звездочка, понукаемая неизвестно куда.

– Каержан, – позвал Чернов, – а ты часто в Казахстан ездешь?

– Я? – переспросил тот, вытягивая паузу, да так, видимо, и не нашел, что толком ответить, – А зачем?

– Ну, как... Там же вроде как ваши...

– Наши? По национальности – да. А так мы им чужие. Они нас русскими называют. И правильно. Языка мы толком уже не знаем, читать по-казахски не можем. Детей русскими именами называть стали. Да что там говорить? Раньше у нас на поминках выпить – большой грех было. А теперь... В одной комнате за дастарханом сидят с чаем, в другой водкой угощаются. Пробовали наши из Целинного в Казахстан уезжать, встречали вроде ничего... А потом все равно чуяли – чужие мы там, как бы второго сорта люди.

– А тут?

– И тут тоже.

А вот с этим Чернов уже мог бы поспорить. Была, была в коренном населении Целинного эдакая хитринка – дескать, чего с нас взять, малограмотные мы, малоразвитые, нерусские, много чего не понимаем, значит, и спрашивать с нас много не стоит. То есть, как экзамены в вечерней школе сдавать – это нам трудно, без «шпор» не обойтись, как овец личных в совхозной отаре потихоньку держать – так у нас положено, традиция национальная. Но ведь и посмеивались за глаза: русские, мол, без этих самых традиций живут, без уважения к старшим. Лебедев на этот счет тоже смеялся:

– Как водку пить – аллах далеко, не видит, а как вилками бешбармак свой трескать, как люди, – обычаи не позволяют, старики обидятся...

Казахстанский аул вынырнул из темноты неожиданно, будто кто, поторопясь, в сельском клубе занавес открыл. Темно уже было изрядно, тусклые фонари на столбах, казалось, только подчеркивали черноту окружающего степного мира. Лениво поругивались собаки, людей на улице видно не было.

– А мечеть-то где? – спросил Чернов.

– Какая мечеть? – Каержан придержал Звездочку, привстал на саях, приглядываясь, – Где-то он тут у поворота живет...

– Мулла?

– Нет, парторг! Мулла, мулла, конечно, только он тут у них как бы это сказать... на общественных началах.

– Подпольный?

– Можно и так. Люди его уважают. Он в колхозе здешнем бухгалтером работает. Сам понимаешь – должность немаленькая.

Про соседний казахстанский колхоз Валерий много чего слышал. Например, когда хотелось молодежи карасинской погулять, шашлыком побаловаться (не на один же бешбармак молиться), начинали, как водится, искать подходящего барана. В своем совхозе (не зря же хозяйство советское) своровать – проблема, не отмоешься потом, а в соседнем колхозе – там чабаны чужие, но так же пьющие. Бывало, за бутылку водки барашка отдавали, только просили на их земле не разделявать, чтобы следов не оставалось. Учета у них, что ли, там не было?

Бухгалтер жил в большом широковатом домике со ставнями на окнах. Ставни Чернов выделил особо – казахи (что российские, что, видать, здешние) их обычно не вешали, ограничиваясь по вечерам занавесками. Говорили – степь должно быть всегда видно. Лебедев, правда, утверждал, что виной тому – лень и дефицит древесины. Деревьев и впрямь в здешних местах было немного, следовательно, не хватало и дров, к январю Чернов это осязаемо понял: угля у них с Лебедевым на крещенские морозы было еще навалом, районо постаралось, а вот с дровами вышла заминка. Пришлось из школы старые стулья тащить на розжиг.

У муллы-хозяина подворья проблем таких, видимо, не было. Под навесом виднелись аккуратно сложенные поленицы дров, двор был огорожен добротным высоким забором (тоже в здешних местах – редкость), молча, но настороженно гремел цепью угрюмый упитанный пес – такому и лаять не надо, одним видом воров отпугнет. Судя по всему, справным был хозяином счетовод, свое холил и охранял, не то, что колхозное.

Чернов рассчитывал увидеть эдакого крепыша с ручищами-кулачищами, не манер крестьян-кулаков из советских фильмов, но навстречу им вышел невысокий старичок с удивительно белым маленьким лицом и темными, внимательными глазами. Махнув розовой, почти игрушечной ладонью, он пригласил гостей в дом.

– Шапку не снимай, – шепнул Валерию Каержан, – и на глаза надвинь поглубже. Будешь вроде как тоже казахом...

– Да не прячьтесь, – прервал его хозяин, – у нас любым гостям рады. Даже русским.

Он посмотрел на Чернова длинно и, улыбаясь, произнес:

– Вы, как я понимаю, новый учитель из Целинного?

– Ага, – ответил почему-то скомкано Чернов. В доме пахло прогоревшим в печи кизяком, на окнах белели чистенькие занавески, – вроде, все как у людей, какой же он мулла-то?

– А я вот, – хозяин словно прочитал его мысли, – тут работаю. И людям служу. Без веры нельзя, так? Без надежды нельзя. Вот Каержан Талгатович приехал, с бедой приехал, как не принять?

С пол-бараном-то оно, конечно, – подумалось Чернову, – с таким подношением отчего не принять?

Подошли к дастархану. Хозяин раскидал по ковру белые голыши-камни, разделил на кучки.

– Будущее смотреть будем, – объяснил.

– Гадать? – Валерий все больше разочаровывался, происходящее казалось ему фарсом, игрой, в которой, как и в любой игре, будут непременно не только победители, но и проигравшие. И жаль было, прямо-таки щемящее жаль учителя Каержана, который барана не пожалел и Звездочку с Черновым в ночную стылую степь погнал, а все, видать, напрасно.

– Зря вы так насупились, – улыбнулся хозяин, – я не шарлатан какой-нибудь. И не мулла, конечно, как они меня называют. Но кое-что могу. Вы пока телевизор в комнате посмотрите, а мы тут с Каержаном Талгатовичем по-своему, по-казахски...

8.

Перед отъездом устроились чаевничать. Вместе с лепешками, сладостями и кусочками соленого, с седоватыми прожилками сыра хозяин выставил и водку. Заметив несколько удивленный взгляд Чернова, как бы оправдался:

– Иногда можно. Если гости.

Каержан Талгатович кивнул согласно:

– И с моим отцом все хорошо будет. Уважаемый Ермек Сатубалдиевич так сказал.

За пол-барана, – подумал Чернов, – я и не такое пообещать могу. Лебедева бы сюда. Вот он бы потом не пожалел красок, описывая это путешествие. Хотя... Когда человеку плохо, за соломинку хватаешься. Найти бы ее еще, когда дна в реке не видать...

Говорили о многом и вроде ни о чем. Разумеется, и политике вспомнили. Хозяин заметил осторожно:

– Смутные времена наступают. Думаю, все еще наплачемся.

Чернов вспомнил про справный хозяйский двор и подумал, что если и придется кому-то здесь расстраиваться, то явно не в первую очередь.

Каержан, подобревший от водки и от добрых вестей, легковато улыбнулся:

– Зачем плакать, уважаемый? Жили спокойно, и жить будем. Вот мне плохо стало, я к вам приехал, вы мне помогли. Разве по-другому можно?

Ермек Сатубалдиевич отвечать не стал, поднес ко рту маленькую, самобытно расписанную пиалу. С драконами, что ли? Таких пиал Чернов в Целинном не видел, там все как-то попроще было, победнее. Вообще карасинцы жили небогато. Если у кого и были машины, то, как правило, старенькие уже, скорбно натужные «Москвичи» и даже «Запорожцы». Новенькая «шестерка» стояла в гараже только у Шиханова. А ведь получали-то здешние чабаны явно неплохо, не в пример даже механизаторам и уж тем более – учителям в школе. На что деньги тратили? Ковров в домах много было – вот, пожалуй, и все. Сыр-колбасу из города везли, детям сладости.

Ну, и себе – водку.

Ермек этот вот тоже ею не брезгует. Ставни, правда, на окнах закрыл. И женщин в доме не видно, попрятал он их, что ли? В Целинном на этот счет было подемократичней, женщин за дастархан к гостям пускали, правда, приходилось им за это чай разливать.

А здесь чай разливал хозяин. Неторопливо, степенно.

– Я вот как думаю, – сказал он после некоторого общего молчания, – вот научились говорить: застой, плохо все было. А сейчас лучше?

– Должно быть, – все еще добрел Каержан, – власть вот новая.

– Власть... Как ее не меняй, кто мою душу изменит, твою? Вот ты говоришь – помогаем друг другу. Не все и не всегда. Сами по себе люди жить стали. А у нас ведь как раньше говорили: соседней юрты не видно – жди беды...

Чернов в разговоре участия старался не принимать, неловко было как-то, в гостях все-таки. Но хозяин настоял:

– У нас теперь говорят, что от русских уходить надо. Лучше жить будем. Думаешь, будем?

Валерий пожал плечами, вспомнил Лебедева:

– Нашли виноватых, конечно.

– А у вас разве такого нет? – хозяин даже распаляться начал, всплеснул маленькими ручками, – У вас разве не говорят, что вы нам все отдаете, а себе не оставляете? Разве не говорят, что без нас, дикарей необразованных, легче будет?

Говорят, – подумал Чернов. Лебедев бы сказал, что не без основания.

9.

Домой выехали в самую ночь. На улице заметно подморозило, в сани плюхнулись быстро, быстро их спровадил и мулла – суетливо отпер ворота, почти шепотом бросил что-то на прощанье.

– Колхозного начальства боится, – предположил Каержан, – все-таки нельзя ему...
Чего нельзя-то? – подумалось Чернову. – Людям шаманить? Или его, русского встречать?

Не успели отъехать от поселка, Каержан достал двустволку, ухнул выстрелом в небо.
– Это я в честь выздоровления отца, – объяснил, – все с ним хорошо теперь будет...
Чернов, все еще видя ясный огненный всполох от выстрела, помолчал. Если бы все было так просто...

Ночная степь была все той же – тревожной.

Звездочка шла ходко, видно, понимала, что теперь уже – надолго домой, дома все-таки оно лучше, даже животному. Вот только у Чернова с Лебедевым не пойми что – жилье или остановка на время. Какой, в сущности, у них в Целинном дом-то? Почта, место для отправления вестей и хороших пожеланий.

Видать, отправлять некому стало. И нечего.

Вообще-то, карасинцы писать и читать любили. Был в соседях у Лебедева еще один человек, который в этом даже преуспел очень. В поселке звали его за любовь к рассуждениям Комиссаром и недолюбливали. А мать назвала когда-то Комиссара Алтаем – то ли географическое название понравилось, то ли впрямь несло оно какой-то особый смысл, выделяющий ребенка из общего бытия.

Алтай Жанбаев жил грубо и неброско, как и чабаном работал, – к рекордам не стремился. Зато пил сильно, а, употребив, принимался хмуро ругать нынешнюю власть и хвалить почему-то Аракчеева. Не успел Чернов заехать, он уже в гости заявился. Зашел уверенно на кухню, сказал, будто топор в дерево вогнал:

– Приехал. Еще один. А зачем?

Сели, познакомились, выпили чай. Лебедева как раз дома не было. Алтай тяжелым взглядом измерил Чернова:

– Человек умный, вижу. Выпить-то есть?

На столе у Валерия стояла бутылка из-под рислинга, наполненная подсолнечным маслом услужливой продавщицей Мариам.

– Нет, – искренне ответил Чернов.

– Плохо, – так же искренне ответил Жанбаев. – Но вы же пьете, я вижу. Так что еще все у нас с вами впереди.

И ушел, оставив на вешалке нелепую панаму выпцветшего цвета. Уже у дверей пояснил:

– У нас так принято. Если я оставляю что-то в доме, значит, вернусь обязательно.

И возвращался.

Всякий раз, заходя в гости, Алтай Жанбаев недобро, в голос ухмылялся, словно заставлял хозяев за постыдным каким-нибудь занятием. Лебедев этого соседа переносил еле-еле, старался уйти куда-нибудь, в книжку уткнуться. Алтай это замечал, однажды обронил с упреком:

– У нас так гостей не встречают...

– У вас, – это, надо полагать, у казахов, да? – вскипятился доктор, – А у нас, у русских, говорят: «Незванный гость хуже...» Сами знаете, кого.

– Так это про татар, – примирительно отметил Жанбаев.

И опять усмехнулся:

– Хе-хе... Читал я, как тогда Руси несладко было...

Читал он действительно много, бессистемно даже, сразу и не поймешь – для чего. Говорил: всякая книга полезна.

Однажды один из братьев Жанбаевых, средний, не школьник уже, но и не заматеревший еще мужик, в драке у клуба выбил сопернику все передние зубы страшным ударом головой. Даже в явно не благородном Целинном подивились такой жестокости. А Чернов

однажды, перебирая книги в небогатой местной библиотеке, наткнулся на повесть забывшего теперь уже перуанского писателя, где именно таким ударом, подробно описанным, славился один полоумный военный. Специально поинтересовался у библиотекарши – читал ли этот фолиант Алтай Жанбаев.

Читал, конечно.

10.

Чернов не заметил, как задремал.

Неожиданно Звездочка сбилась с шага, взвылилась. Чернов подумал сначала – наткнулись на что-то, то ли камень, то ли куст, но Каержан вдруг резко сбил дрему, подстегнул лошадь:

– Волки!

Валерий бросил взгляд по сторонам, не успев как следует испугаться. Вокруг белели сугробы, по обеим сторонам дороги, некогда, видимо, расчищенной «бабочкой» трактора К-700 в небольшой низинке, высилось нечто вроде насыпи, и вот там, за этой насыпью крошева льда и снега, мелькнуло что-то черное.

Каержан выругался по-казахски, хлестанул лошадь (но в Звездочке вдруг и без того резвость проснулась, она почти понесла) и бросил кнут Чернову:

– Если что, сзади отбивайся, хлестай, не жалея, они нас не пожалеют. Эх!

Одной рукой он, привстав, держал вожжи, другой потянулся за ружьем:

– Один... Один патрон в двустволке остался... Эх! Я тоже... Бабахнул, дурак, на радостях... Держись, не выпади, смотри! И ведь место нашли, где пониже...

Чернов тоже, насколько позволяло место в санях, привстал, устремил взгляд назад, но там, на дороге, никого не было. А Звездочка, натужно фыркая, то торопилась вперед, то норовила, сбившись, вертануть куда-то, Каержан, крича что-то по-казахски, хлестал ее вожжами и удерживал на дороге, не давая перевернуться саням, а где-то там, сбоку, что-то темное, неотвратимое, продолжало их преследовать.

Стая шла за ними, уверенная в их незащищенности. Жилье было еще далеко (или уже далеко, если вспомнить дом колхозного бухгалтера), снег был белым, небо черным, и степь, вместе с новыми звуками, наполнилась запахом лошадиного и человеческого пота. И все равно Чернов еще не чувствовал страха. Как же так? – стучало в голове, – Ведь было все хорошо и спокойно, да, и тревоги были, и проблемы, но это все – свое, привычное уже, не в последний уж край опасное. А тут... ТАКОГО ПРОСТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

А стая все шла и шла, не решаясь пока напасть, выгадывая минуту для удобной, безошибочной, жестокой атаки. Сколько их там было? Уже потом Каержан говорил, что волков бежало не меньше пяти, но Чернов толком все равно не мог вспомнить, сколько он видел хищников и видел ли их вообще. На дороге было по-прежнему пустынно, насколько позволяла разглядеть ночь, Чернов потянулся было в карман за спичками, но быстро понял глупость этой затеи – не в темной комнате дело идет, в степи.

Резко, как показалось, намного громче того, первого, грохнул выстрел. Каержан что-то крикнул. Звездочка рванула так, что Чернов едва не вывалился из саней. Неожиданно он почувствовал крупную, неудержимую дрожь, даже кнут, казалось, сам выскакивал из руки...

11

Почему волки, испугавшись всего одного выстрела, прекратили погоню, никто потом не смог толком объяснить. Может, встречались уже с охотниками (облавы в здешних местах, особенно в зиму, были делом обычным), может, жожака у них стоящего не было. А может, почувствовали близость жилья – огни Целинного неожиданно для Чернова выплыли из темноты через некоторое время. Во всяком случае, когда они наконец-то вынырнули из низины (это только незнающим степь кажется ровной, как стол), степь вокруг успокоилась, словно никакой погони не было вовсе.

– А может, ее и не было? – хохотал в воскресенье вечером Лебедев, вернувшийся из города с копченой колбасой, сменой белья и пачками американской чечевицы – гуманитарной помощи, появившейся уже в городе, – спяну одному привиделось, а другой за компанию чуть в штаны не наделал...

Каержан хмуро отмалчивался. Про поездку и так решили никому больше не говорить, а уж про историю с волками – тем более. И правда, засмеют еще...

Чечевицу съели все втроем (не свинина же, и не грибы), Лебедев, как самый словоохотливый, заметил:

– Подсадят они нас на этот свой горох, как на иглу. Нашей-то жратвы в магазинах все меньше. А потом – танцуй, как скажут, а то с голодудохнешь.

Отец Каержана умер через два месяца.

ЛЮДИ-ЛЕБЕДИ

Глава первая

1

Первого сентября около шести часов утра Кузьма Сергеевич Томилин убил человека.

С чего все началось... Потом, когда следователь – молоденькая девчушка с маленьким вздернутым носиком и кукольно обиженными пухлыми губками – назойливо и упрямо об этом допытывалась, Томилин даже сердиться начал. К чему им это? Ей бы, этой курносенькой, детей рожать, сказки им рассказывать, а не в душе пожившего человека копать. Копай, не копай – одна зола, почитай, и осталась. Выгорело все.

...Когда Светлана притащила тот уродливый букет, Кузьма Сергеевич как раз над кроссвордом сидел. «Не вспомню, как ледник еще называется. Семь букв, первая «г». Глетчер, что ли?» " Да откуда же я знаю? Это у вас, папа, пенсия, свободного времени много, а мне не до ледников ваших. Вот букет Машке на завтра купила. В школу понесет. Ничего цветочки, а?»

Букет... Вот с него и началось, пожалуй. Хорошей была Светлана невесткой, в меру заботливой, хозяйственной, за дочкой следила, но вот одно в ней раздражало – как сорока, любила она блестящее и яркое, что в одежде, что обстановке квартиры, или вот, в букете этом. Кузьма Сергеевич о таких цветах и не знал даже. Ярко-желтые, с зелеными пятнами крупные лепестки напоминали уродливые подсолнухи. И вот с таким непотребством Машка в школу пойдет. Маленькая, счастливая с этой ядовито-желтой смесью над головой?

В последнее время Кузьма Сергеевич заметил за собой плохую перемену – порой раздражение приходило почти мгновенно, словно нырял он резко в мутную, сдавливающую легкие глубину. Когда Анюта была жива, он еще держался, да и как в ее глазах гнев отразить? Доброй, верной супругой была Анна Андреевна, слова злого ни о ком не говорила, только молчала, если обида настигала. Не хватало теперь ее молчания Кузьме Сергеевичу, сильно не хватало, до крика порой душевного. Пить пробовал – сын Андрей сердиться стал, да и самому по утрам мучаться похмельно в эти годы уже трудно. Начал из коры тополиной (она мягкая, податливая) фигурки разные вырезать, маски – опять тошно: кому это нужно? Да и Светка ворчать начала: вся квартира в деревяшках, того и гляди, жуки какие-нибудь дома заведутся, мебель испортят, а на новую нынче как заработать?

Оставалось одно – дача.

Вот и сейчас, во время разговора с невесткой, Кузьма Сергеевич шесть своих соток вспомнил, вспомнил и опять раздражаться начал: послушал сдуру Светку эту, не поехал за астрами внучке к завтрашнему празднику. Как же, поедешь тут: с астрами, дескать, одна рвань-беднота приходит, учителям такое дарить стыдно. Стыдно... А ты видела их, астры эти? Такая красота на грядке поднялась – Томилин аж сам удивился. Одному и оставалось удивляться. Андрей со Светкой на дачный участок заглядывали редко, разве что шашлыки отведать, вина попить, а в земле копать – этому их не заставишь.

– Да мы все это на рынке купим, – говорили, – зачем время тут убивать?

Убивать...

Теперь вот не время случилось убить – человека.

...Вечером он все-таки за астрами поехал.

– Переночую, – сказал, – на даче, а с утра пораньше – домой. Не понравятся Маше мои цветы, соседским детишкам подарю. Не все такие богатые, чтобы на рынке-то покупать.

Внучка деду улыбнулась (в глазах – те же искорки теплые, что и у бабушки были):

– Мне твои цветы, конечно, понравятся, они самые красивые. Только – как ты там один ночью будешь? Вдруг что случится?

Томилин заупрямился (опять же и упрямство это за последнее время все росло), собрался, поехал.

Автобуса долго не было, темнота уже подступать стала. Вернуться бы – подумалось. Только к кому? После смерти супруги Кузьма Сергеевич все чаще стал ощущать свою ненужность в семье. Одна Маша, считай, была ему всегда рада, да только когда ей радоваться: с утра – обычная школа, после обеда – художественная, вечером – репетиторы. Выжимают ребенка, как лимон, а того не видят, что радости от жизни у него почти нет. Да у них и у самих нет, если посмотреть ближе. Андрей – чуть ли не сутками на работе («коммерция отдыха не любит»), Светка в двух местах бухгалтерствует, не жизнь, а сплошные финзаботы. Раньше, когда и Томилин зарплату получал (собственно, ему на заводе и трехкомнатную эту дали), он тоже возвращался вечерами домой уставшим, даже ужинать иногда не хотелось, но о деньгах они с Аней как-то не говорили, в театр успевали ходить, дачу в порядке держать. Да и сын с женой (когда, помаявшись по съемным квартирам, вернулись под родительский пригляд) поначалу и грядки копали, и сорняки пололи – только скажи.

Теперь он ехал на дачу один, в полупустом запоздалом автобусе. Водитель был тоже чем-то раздражен и гнал машину рывками. Один раз Кузьма Сергеевич, задумавшись, чуть не упал на повороте в проход между сиденьями.

Карандаш, задержавшись на клетке кроссворда, порвал газету.

Рассказ Лескова, пять букв. Первая «З». «Зверь» или «Загон», наверное. Скорее всего, «Загон».

Да, загон, – по всему теперь выходило, что так.

2

Проснулся Кузьма Сергеевич рано. Не потому, что боялся проспать – давно прошло время, когда только будильник и поднимал, теперь, ближе к завершению, долго спать просто не получалось. Сон торопливо уходил еще до восхода солнца, словно Томилину жалко уже было растрачивать жизнь на кроватьную лежку. Только и это было не так: во сне он был моложе, сильнее, рядом жила Аня, ему звонили с работы и срочно просили выйти, без него, мол, никак.

Но стоило открыть глаза, и вот они – темнота и одиночество. И все, больше уже не уснешь.

И на этот раз так случилось. Ворохнулся Кузьма Сергеевич на старом дачном диване, наткнулся боком на вылезшую пружину, почувствовал утреннюю прохладу.

И затосковал.

Но потом услышал – кто-то ходит, там, снаружи, рядом с дачей. И не по тропинке ходит, по грядкам – слышно, ломается что-то, хрустит. Ах, ты...

На человека Кузьма Сергеевич как-то сразу не подумал, – кто попрется воровать капусту в такую рань, а вот на собак соседских, на кошек, погрешил. Вон, Шарик у Огаркова, – бродит, как балбес, по участкам, грядка-не грядка – ему все равно. Сам Огарков тронутый, и пес у него такой же. Вымахал ростом с теленка, а толку? Одна радость – не злобный, не рычит даже. Выйти, пугнуть, что ли?

Около дачи раздался кашель.

Это уже хуже. Ни Шарик, ни вообще какой-нибудь бобик или мурка так не кашляют. И не матерятся после этого глухо.

Может, это Максимка, сторож? А чего ему на томилинском участке делать, да еще в такую рань? Надо капусты – ему и так любой даст. Нет, тут дело посерьезнее.

Включить свет, спугнуть вора? Так он еще раз придет, не каждый день на дачах теперь ночуют, не май месяц уже. А если он там не один? Крикнуть, на помощь позвать? Максимка дрыхнет, поди.

Томилин взял с полки секатор и, рывком сбросив крючок с петли, резко отворил дверь.

Человек был один. В свете уличной лампочки, болтающейся на столбе, его фигура казалась рыхлым серым пятном. Еще склонившись над грядкой с цветами, он оглянулся на Томилину, и Кузьма Сергеевич увидел небритое, оплывшее лицо и маленькие злые глаза. Ну, конечно, алкаш. Бомж. Такого пугни, он и обделается.

– Ты чего? – неожиданно и нагло спросил вор, – пошел на ..., старик, понял?

В руке у него мутнела охапка астр. Грядка была почти голой.

– Да вы..., да ты..., – замешкался Томилин, – да это же мои цветы, наши... А ну положи!

Небритый мужик выпрямился, усмехнулся:

– Сказал же, иди... Заорешь, яйца вырву. Деньги есть у тебя?

И пошел на Томилину.

Потом молоденькая курносенькая кукольная следовательша все допытывалась: прямо так и пошел? Бомжи – они, как правило, пугливые, слабые, даром, что спившиеся.

– Но собак же они едят, – вспомнил прочитанное где-то Кузьма Сергеевич.

– Кого? – не поняла следовательша.

– Ну, собак. Бродячих. Поймают, убьют и едят.

– Это вы к чему? – следовательша хотела, наверное, поговорить душевно, а он о такой мерзости. Томилин вздохнул:

– А это я к тому, что с собаками-то они смелые. Со слабыми смелые. Вот и я для него был... как старая слабая собака...

...Кузьма Сергеевич немного попятился к двери, Но и бомж, сделав пару шагов, остановился. Да в принципе, не такой уж он и бомж был, крепкий еще. Зачем ему цветы-то? Может, тоже для внучки? – мелькнула теплая, но глупая мысль. (Потом следовальша объяснила – перед первым сентября алкаши дачи именно на цветы обирают, любой букет в этот день – в цене). Бомж хрипло хохотнул:

– Деньги есть, говорю, оглох?

– Цветы отдай, – неожиданно твердо сказал Томилин.

– Чего? – бомж опять хохотнул, – Жалко тебе?

Жалко... Жалко было Машку, Анюту, себя, жалко было прожитой жизни, в которой, бывало, его решающего слова ждал целый завод, а теперь даже бомж этот ни во что не ставит, не боится, ноги вытирает свои грязные.

Да, и у этого бомжа наверняка была своя жизнь, может быть, даже в начале самом удачная, счастливая. Но потом повело его под откос, дотащило до ненависти, злобы. Может быть, судьба поступила верно. Но зачем, почему в это темное еще утро что-то свело их именно с Томилиным? И почему именно сейчас, в пору, когда в жизни и осталось-то всего – спокойно досмотреть, дочувствовать мир, дорадоваться ему – не всему, конечно, но хотя бы небольшим, светлым крупичкам...

Нужно было что-то делать, но что? Судя по всему, удирать вор не собирался, даже вот о деньгах речь завел. Не боится. Конечно, видит, дачка бедная. Старичок один ночует, соседей, как назло, нет...

– Максимка! – громко закричал Томилин. Может, не спит сторож? – Люди добрые, вор! Людей не было.

Где-то, проснувшись, залаяла собака. Не Шарик, конечно.

– Не ори!, – неожиданно заскулил бомж, – да заткнись ты!

Он, скинув астры, бросился на Кузьму Сергеевича с вытянутой растопыренной пятерней, целясь в лицо. Наверное, хотел заткнуть Томилину рот.

Пятерня была грязной и, наверное, липкой.

Глаза небритого мужика заилились злобой.

– Не ори! – зарычал он, уже касаясь пальцами томилинского лица, – Не ори, сука! Убью! Убью, слышишь?

И пошел на Томилину, буквально повалился на него.

Кузьма Сергеевич выставил перед собой секатор...

3.

В садоводческом обществе «Огонек» случившееся обсуждали бурно. Сильно досталось проспавшему происшествие Максимке – надо же было найти крайнего, но при этом все понимали, что сторожить тут за тысячу рублей в месяц только беженец-таджик и согласится, а уйдет Максимка, обидится, дачи и вовсе без пригляда останутся.

Вообще-то невысокого, похожего на мальчишку-подростка пятидесятилетнего беженца-таджика, звали Мухсином. Появился он в «Огоньке» незаметно: кому-то помог дачку подремонтировать, кому-то забор поставил, да так и остался на все лето здесь на подхвате. Ночевал у тех, на кого подрабатывал. Сначала, конечно, боялись, что он порыворовывать начнет, но ничего такого не случилось, разве что помидоры-огурцы он брал с грядки, и то понемногу.

Председатель товарищества Антон Иванович Корытин, заприметив новичка, поначалу явного внимания на него не обращал, присматривался. («Присматриваться» Корытин

вообще любил, еще со времен аппаратно-руководящей работы. Людям, как он считал, сходу только дураки доверяют, да и после верить до конца никому не стоит.).

Потом он попросил таджика помочь подновить опалубку у дачного домика. Таджик помог (точнее, сам все и сделал), Коротин вручил ему за работу полведра огурцов и расспросил о жизни.

Так решили выделить Мухсину пустующий домик, небольшой участок и назначить сторожем с окладом в тысячу рублей и постоянным проживанием.

– Живи, Максимка, – напутствовал его Антон Иванович (любил он прозвища подчиненным давать), – Живи честно, и люди тебя не бросят.

В душе Коротин был большим прозаиком и даже писал книгу воспоминаний.

Происшествие на томилинском участке встревожило его весьма серьезно. С одной стороны смерть бомжа – обществу, как ни крути, во благо: узнают о ней такие же вот прощелыги, сюда лишний раз не заглянут. А с другой – зачем ему лично, Антону Ивановичу, такая известность? Уже вон из городской администрации знакомые звонили: чего это, мол, у тебя на хозяйстве ерунда всякая творится? Воры по участкам разгуливают, пенсионеры, чуть что, за ножи хватаются. Потерял нух товарищ Коротин, а ведь надеется еще в какое-нибудь кресло вернуться. Надеется, так ведь?

Кто б ни надеялся... Почитай, всю жизнь отдал Антон Иванович руководящей работе, среднеруководящей, конечно, ну, так не всем в Москву метить. Зато застой пережил, и перестройку, и перепойку ельцинскую. А сгорел на бабе – главной бухгалтерше. Она, стерва, не только «камасутру» ему в кабинете демонстрировала, но еще и бумаги на подпись ловко подсовывала. Стерва – иначе и не скажешь.

Моральная сторона дела Коротина не трогала. Не времена КПСС на дворе, за любовниц нынче разве что не хвалят в открытую. И жену он не боялся, это ей, страшненькой, страшно надо, чтобы на улице в дерьме не оказаться. А вот материальных претензий к Антону Ивановичу тогда оказалось побольше...

Теперь вот – история эта. Сколько раз предлагали Коротину дачку, а то и коттедж в месте попрестижнее, поспокойнее! Он, дурак, отказывался: привык уже к «Огоньку», да и подглядывать вокруг некому. Опять же – не успел на пенсию выйти – в председатели возвели. Пусть хоть так, а на людях.

Дача у Коротина была добротной, справной. Успел отстроиться в свое время. Хоть круглый год живи – печь, сауна есть, мебель какая-никакая. Да и прибыль даже в такой должности имеется. С недавних пор, как разрешили в пригородных дачах прописываться, зачастили в «Огонек» солидные покупатели – земля она всегда в цене, обещают сюда даже газ подвести, воду. Жаль, правда – пенсионеры здешние участки продавать не спешат, не уговоришь. А если удавалось уговорить, в накладе Антон Иванович не оставался, новые хозяева благодарили. Вот и томилинскую халупу можно уже кому-нибудь сбавить, не посадят старика, так он все равно тут уже копать не будет, совесть дурака заест, воспоминания дурные. Станный он, Томилин этот. Тоже в прежней жизни не последним человеком был, а жизнь так и не обустроил, о себе да о детях не позаботился. Таких людей Коротин презирал, хотя и не в открытую: мало ли что случится, а вдруг и эта отыгранная шашка в дамки выйдет? Теперь-то, конечно, не прыгнуть старику, – сам себя, считай, пырнул, не подумав...

Залаяла Ладка – принесло, значит, кого-то. Глянул Коротин в окно – так и есть, Томилин идет, только младший. Ладно, пусть постоит, подождет немного...

Еще будучи руководителем, любил Антон Иванович посетителей немного попридерживать в приемной, дать им помаяться. А потом еще и кабинете в кресло глубокое усадить, чтобы колени – до головы. С одной стороны мягкое кресло – уважение. А с другой – как тут гонор-то показывать, когда сидишь закорюкой? Можно еще чаю предложить, чтобы посети-

телю и вовсе изгибаться, привставать пришлось, чтобы до чашки дотянуться. Тут у любого спесь спадет...

Андрей Томилин, как выяснилось, заявился с просьбой (а с чем же еще?). Дескать, характеристику бы отцу выдать, мнение соседей садоводов о его проступке. Мол, воровство-то дачников замучило...

– О проступке, говоришь? – медленно начал Корытин, снова чувствуя просыпающегося в себе великого прозаика, – Да какой уж тут проступок, Аркадий Кузьмич, – преступление. Убил ведь он человека-то. Пусть не специально, а убил. За такое в Китае знаешь, сколько бы дали? Может, и расстреляли бы... Ну ладно, ты не парься. Посоветуемся с народом, подумаем. И ты подумай. У нас вот дорогу к обществу подладить надо, смекаешь? Коммерсант ведь, и не последний в городе, я слышал...

Глава вторая

1

Осень Борис Рыжиков не любил, он ее даже боялся. Приедешь на дачу – все уныло, пусто, сыростью веет.

И на душе так же.

Еще несколько месяцев назад, когда жили они с Ленкой дружно и в достатке, хоть сентябрь, хоть февраль стылый – было Рыжикову все равно: жизнь идет, продукты в холодильнике есть, дети накормлены и одеты. Рухнуло все, как водится, в одночасье: грянул кризис, на автобазе произвели сокращение, и стал он, инженер по технике безопасности Борис Рыжиков, безработным и безденежным, аккурат за месяц до ленкиного дня рождения. Как они, бывало, его, этот день рождения отмечали! Не жалел Боря для супруги денег и фантазии: то в сауну гостей созовут, то на турбазу, – весело было, красиво. И ведь не то, что бы всегда так жили, в роскоши и тогда не купались, не до того, но ведь и не бедствовали, хотя и не откладывали ничего.

А тут – одно к одному: заболел Яшка – младший, помыкались с ним вдосталь, ходили по врачам да знахарям, потом Генка – старший чуть в тюрьму не угодил. В довершение всего и Ленкина контора зарплату научилась задерживать.

Короче говоря, денег в доме не стало.

Сначала из холодильника исчезла колбаса, потом – сметана, мясо хорошее. Покупали все больше суповые наборы-обрезки, да макароны с дешевыми крупами. На дачу – и ту стали ездить реже, на автобус тоже с копейками в кармане не сядешь, тем более всей семьей.

Правда, Борис дачу не бросал, как Ленка ни ныла. Не было денег – шел пешком: три километра – не в тягость. Приходил, копался на грядках, поливал, полол – тут и отвлекался от мыслей тягостных. Есть еще живое, растет, тянется.

Отвлекался...

На Ленкин день рождения принес он ей с дачи букет цветов. Принес, поздравил, а она, наивная, все подарка ждала, все на чудо надеялась. Не дождалась, посмотрела на мужа грустно, к столу пригласила. А за столом – тоже не Бог весть что: сельдь под шубой, картошка с котлетами. Выпили. Ленка бокал осушила, да и бросила:

– Не мужик ты, Боря. Во всех отношениях. И я даже не о сегодняшнем дне говорю. Ты вроде и по профессии – инженер по технике. Только техники такой давно нет – безопасности! А в другой ты не разбираешься.

И как-то быстро все у них кончилось.

После развода Борис вернулся к матери, но и там несладко жилось: на одну пенсию вдвоем не раскатаешься. Пробовал Рыжиков найти работу, но все как-то не ладилось, везде обещаниями кормили, а то и просто кидали: попашешь на них с месяц, а там тебе и говорят: «Не подошли вы нам, товарищ».

И все. Права, наверное, была Ленка.

Одно спасение, одна отрада оставалась – дача. Приходил сюда Борис, оглядывал свои грядки, здоровался с соседом – Кузьмою Сергеевичем, и работал себе потихоньку.

Вроде как и у него есть занятие. И он нужен. Но это только – до осени. До первого снега. А там – что?

Однажды в поисках работы обратился Рыжиков за помощью к председателю товарищества Антону Ивановичу. Когда-то, недолго правда, Коротин у них на автобазе парторгом работал. Может, и сейчас посоветует чего.

Антон Иванович Бориса, конечно, не вспомнил. Но помочь обещал:

– Чем могу, знаете ли... А дачка-то у вас где? Рядом с Томилиным, кажется?

Рядом с Томилиным, да уж. И вот теперь, когда придя на участок, услышал Рыжиков о разыгравшейся там трагедии, стало ему от осени и от жизни еще тревожнее.

Бывает такое у человека: найдет он себе заветный уголок на земле, откуда невзгод и слякоти бытия, вроде, не видно, найдет, и прячется там в трудные минуты, успокаивая душу. И хорошо, покойно там душе. И кажется, что никогда сюда не войдет ничего плохого, суетного.

Но оно появляется, приходит. От жизни не спрятаться.

2

На улице дворник ругался с водителем неказистого «Москвичка», которого неизвестно каким ветром занесло к городской администрации. «Москвичков» -то этих и на всем земном шаре, наверное, с пяток осталось, а вот поди ж ты – именно сюда ему понадобилось. Дворник знал, на кого нападать и зачем – махал руками, даже метлой грозил – видимо, прогонял. А водитель – долговязый, длинный, в болотного цвета обветшалом плаще (тоже раритет), суетно оправдывался, а, может, спрашивал чего-то.

Зря спрашивал. Михалыч – он знает, кому отвечать, а кого послать подальше.

Игорь Павлович отошел от окна, улыбнулся. В их семье первым был даже не «Москвичок» – мотоцикл «Иж-Юпитер» с коляской. Благо, жили на окраине города – можно было и на рыбалку ездить, и за картошкой по селам. В сам город отец выбираться на мотоцикле не любил, стеснялся, наверное.

Резкий телефонный звонок нарушил тишину. Ну вот, кто-то еще с утра пораньше на работу явился. Ладно, ему, Карпову, не спать положено – мэр города все-таки. А это, интересно кто? Уж наверняка не водитель «Москвичка» с жалобой на дворника.

Ранние утренние звонки Игорь Павлович не жаловал, радостного в них, как правило, было мало, обычно за ночь что-нибудь нехорошее в городе случалось, будто стоило ему, хозяину, сомкнуть глаза, и гадость всякая тут же пробуждалась.

– Палыч! – раздалось в трубке, – тут у рынка опять хрень намечается.

Так с мэром мог разговаривать только один человек – Славка Логинов, отчаянный и верный друг детства, а нынче – начальник городской милиции.

– Что за хрень? – в тон Славке ответил мэр, немного даже этому радуясь – не с каждым вот так просто отведешь душу.

– Да они опять дорогу перекрывать собираются.

– Откуда знаешь?

– Что я, слепой что ли? Да и люди свои сообщили, сам понимаешь. Мне их разгонять?

Игорь Павлович представил низенького, толстенького полковника Славку Логинова, тщетно и смешно в одиночку прогоняющего орущих пикетчиков и снова улыбнулся:

– Пока не трогай. Я приеду. Когда они начнут?

История с рынком была, по сути, легко прогнозируемой с самого своего начала. Стоял этот рынок на улице Революции, почитай, со времен как раз этой самой пролетарской заварухи, стоял себе и окрестных бабулек дешевизной радовал, но свели как-то Карпова с человеком по имени Саид Гусейнов – грузным, старым азербайджанцем с красиво седеющей шевелюрой. Гусейнов объяснил, что приехал в город к брату (брата – владельца бензocolонок мэр знал, правда, не очень близко), и собрался тут открыть хороший бизнес. Лучше всего – торговый центр (любят они, это дело). Хорошо бы – на раскрученном месте какого-нибудь рынка. Например, на улице Революции.

Нет, рынок никто закрывать не будет. Более того – людей переведут в теплые павильоны. Благоустроят территорию. Создадут новые рабочие места.

Пока красиво седеющий Саид Гусейнов (как же его брата зовут, дай Бог памяти?) так же красиво излагал свою программу оккупации городских торговых площадей, Игорь Павлович рассматривал массивный золотой перстень на его безымянном пальце. Рассматривал, и вспоминал, как во время выборов приходилось, встречаясь с местными бандюками (а и без этого не обойдешься) напаяливать на себя все эти цепочки-бляшки – Славка Логинов уверял, что по-другому разговор не получится, здесь точно встречают по одежке. Вот и Гусейнов не удержался. Показывает себя. Рынок ему зачем? Понятное дело – павильоны теплые он построит, продавцов туда сгонит. Вот только арендную плату такую назначит –

хоть прочь беги или цены поднимай. Кто-то, конечно, и побежит. И тогда на улицу Революции за Гусейновым войдут махмудовы, алиевы и прочие ушлые люди, которые со временем превратят продуктовый рынок в какой-нибудь крупный развлекательный центр. Или торговый комплекс по продаже иномарок. Место-то неплохое.

Короче, сговорились. Рынок и впрямь вложений требовал, а откуда они в городской казне?

И вот теперь продавцы с улицы Революции, поздно прочухав, что к чему, ударились в акции протеста. Дескать, не надо нам нового рынка – дорогу перекрывают, жалобы пишут. А куда деваться, мелким хозяйчикам нынче места все меньше, время такое.

– И еще, – мэр немного помедлил, слушая, как Логинов тяжело, с присвистом дышит в трубку, – У тебя там дачники вора порешили, что делать-то собираешься? Человека, небось, уже за решетку засадил?

– Разбираемся. Вроде как старика и сажать не за что. Самооборона. Аффект. Под подпиской он у нас.

– Слов-то понабрался, умник... Вот и я так думаю – не слишком виноват дачник-то. Зря вы вообще все это раздули.

– А мы, что ли? Газетчики разнюхали, телевидение... Они, огородники, и так всю плешь проели – дескать, город на них рукой махнул. Скупки металла закрыть требуют. Тоже – головная боль, сам знаешь. Грабят их.

Игорь Павлович поморщился:

– Знаю. Ты вот что... Ты пока помедли там со всем этим. Придумаем, как ситуацию использовать. Кто там у них в обществе председатель? Я слышал – Корытин?

3.

Только в одном городе, где жил Кузьма Сергеевич Томилин, ездили на работу, получали пенсии, в школах учились несколько сотен тысяч человек. Невеликий, конечно, муравейник выходил, но ведь и не деревенька какая-нибудь. Но кто, где, за какие грехи выделил из этого достаточно большого количества людей в то злополучное утро именно его, Томилина, – этого старик понять не мог. Вроде жил, как все, в меру правильно, квартиру заработал, дачу, язви ее теперь, сына поднял. Машину вот только купить не успел: копил, копил – и докопился до дефолта. Зря, выходит, ишачил. Но ведь и не ишачил-то по большому счету – работал, ночами не спал, заводу весь отдавался. Чего греха таить – порой и не до семьи было. А теперь... Завод не поймешь, в чьих руках, народу посокращали – жуть. Хорошо, успел Кузьма Сергеевич на пенсию уйти, успел на дачке своей разместиться. Проводили хорошо, даже холодильник подарили, а потом...

А потом вот даже до бомжа этого дошло.

Почему?

С Богом у Томилина отношения были сложные. В церковь он не ходил, но сына крестил в деревне, на дому у бабки Караваюхи, причем, крестил в те времена, когда за это ох, как схлопотать можно было. Вызвали бы в горком (а завод по статусу был прямо в горкомовском подчинении) – и прощай, должность. Впрочем, туда и так вызывали часто. Однажды все руководство завода на ковер поставили. Чего это, мол, у вас на территории ночью столько лампочек горит? Не знаете, какая должна быть экономия? Ну, директор давай оправдываться: подъездные пути, мол, техника безопасности. Куда там! Схлопотал Данилыч строгача, схлопотал, а лампочки – как горели, так и гореть остались.

Только директор сам сгорел. Хватанул его однажды инсульт прямо в кабинете. Хороший был мужик, правильный. А потом еще пять лет вокруг дома гулял вечерами, всем улыбался. Ничего, кроме «та-та-та» сказать не мог.

А ведь он, Данилыч, помнится, участок им тогда приобрести посоветовал. Возьми, мол, пока землю дают, будет, где на старости лет копать.

И сам себе взял, только не покопался ни разу.

Дачный участок Томилины обустраивали медленно, хотя и со старанием. Сажены Кузьма Сергеевич привез из родной деревни, от живых еще тогда родителей. Особенно красная смородина удалась – она лет тридцать еще потом обильно плодоносила, словно заговоренная. Из деревни же приехал к сыну и сам Сергей Никодимыч, в прошлом – знатный плотник, поставил он дачку деревянную, небольшую, но добротную – до сих пор не валится.

Радостные были времена, добрые. Пусть за молоком для Андрейки Анюта с раннего утра очередь занимала, колбасу по праздникам видели (это потом уже Кузьма Сергеевич в должности вырос), квартиру первую получили черт знает, где – на окраине, откуда на автобусе на работу не доехать, поскольку утром в него – не влезть.

Но зато жили все-таки, как люди.

И ведь все так жили. Ну, почти все.

А потом этим почти всем – за что?

В детский сад Андрюшка идти никак не хотел, плакал. Вырос он уж слишком домашним, чужих людей боялся. Это сейчас он – коммерсант с башкой, а тогда был птенцом несмышленным с огромными грустными глазами. Куда ему такому в бизнес-то, затопчут когда-нибудь, не пожалеют, но куда еще по нынешним временам?

Прежде Томилин был уверен – время идет правильно, верно, непременно в движении поступательном. И дело не в том, что социализм тогда строили, Кузьма Сергеич и с марксизмом был в отношениях не панибратских, просто казалось ему – жизнь, именно так должна развиваться, иначе – какой смысл?

В пещерах люди когда-то жили, за мамонтами по оврагам гонялись, а потом ведь даже в космос человек отправился, не куда-нибудь. И не просто человек, кстати, а гражданин великой большой страны – СССР. Много чего плохого про Советский Союз теперь говорено и написано, может, и верно это, но что-то насчет космоса в нынешней России закупорка все больше выходит.

И вообще не видел теперь Кузьма Сергеевич ее, этой поступательности.

Может, оттого не видел, что жизнь к закату пошла. А тут еще история эта с бомжом. Как его звать – и то не выяснили. Кто, откуда?

– Где его хоть похоронили-то? – спросил Томилин следовательшу.

Та сложила губки домиком:

– А вам это надо?

Так и не сказала, фря. Не знала, наверное. Ей-то что?

Духи у этой Жанночки были удивительно противные. Словно намылил кто-то руки дешевым мылом, а смысл плохо.

Глава третья

1

На заре карьеры Антон Иванович Корытин любил ездить на велосипеде. За это в райкоме комсомола его не любили, считали молодого инструктора выскочкой.

А он везде успевал.

И как было успевать иначе, если «Газик» райкомовский – один, секретарей – трое, а есть еще завыв отделом, любовницы секретарей и завоы отделом, мужья любовниц...

Успевать было надо.

Еще тогда, в пору этой самой своей юности понял Антон Корытин, что здесь, в сельском райкоме ВЛКСМ, главное – не быть, как все. Станешь одинаковым – либо сопьешься, либо кончишь жизнь каким-нибудь заведующим холодным клубом.

На праздники урожая, дни учителя, встречи с невысокими гостями и на прочие аппаратные гулянки он не ездил, в меру уклонялся. В райком партии стучать тоже не бегал – этим авторитета не добьешься. Старшие похвалят, да посмеются за глаза (сами, что ли, не чудили по молодости?), а коллеги-комсомольцы побьют, чего доброго.

Светка-машинистка такие глазки ему строила, но он и тут удержался.

Рано еще все это.

Утром Корытин просыпался, садился на велосипед и мотался по хозяйствам. В дальние колхозы, конечно, не добирался, но куда поближе докатывал, сил хватало. С активом встречался, с председателями. Руководитель «Света Октября» Клим Наумович Горитько – грузный, с большими крепкими руками хохол, прозванный за лихость и крутость нрава Чапаям, зазывал в кабинет, наливал стакан:

– Пей, Корытка, хуже не будет. А кто не пьет – чи хворый, чи падлюка.

Приходилось пригублять.

Горитько смотрел на Антона тяжелым взглядом. Усмехался:

– Пойдешь даленько. По головам.

Но советы давал дельные. Рассказывал, что и где сеял, почему, как о кормах на зиму заботился. Хлебом угощал – такого хлеба, как в горитьковской пекарне, во всем районе не пекли.

Как-то раз заехала к нему в хозяйство высоченная комиссия, отведали они этот хлеб, с собой в сумки набрали, но вердикт похмельно вынесли строгий:

– А буханки-то ваши ГОСТУ не соответствуют...

– Ну, и хрен с ним, вашим ГОСТОМ, – раскипятился Чапай, – зато мой хлеб люди едят, а ваш – глотают!

В первые, отчаянно воровские годы новой России (в самом начале девяностых) укатали Чапая крутые горки – скупил заезжие хозяева в «Свете Октября» акции, выкинули председателя из кабинета с его гранеными стаканами, а через полгода, продав под нож весь скот, разорили хозяйство полностью.

Корытин тогда уже в городе сидел, в хорошем кабинете.

2.

Сашку-таксера в «Огоньке» все любили. Улыбка у него была простая, как бы извиняющаяся: уж не взыщите, мол, что я такой нескладный и долговязый. Вдобавок ко всему Сашка заикался. Несильно, правда, но в волнительные минуты прижимало. А вот когда

выпивать случалось, творилось чудо: речь Сашки становилась ясной и плавной, словно никогда не водили его в детстве к логопеду.

На дачку к Максимке они пришли вдвоем с Рыжиковым. Трезвые пришли, поэтому Сашка Миронов больше молчал, чтобы заиканием своим людей не тревожить. Впрочем, таджика как потревожишь – любому гостю рад. Вот и сейчас сидел он на лавочке у своего домика-развалюшки, брошенного несколько лет назад пенсионерами Стопиными, и хорошо гостям улыбался.

– А мне тетя Люба хлеб дал, – поделился он радостью, – и суп в пакетик. Кушать будем.

– Кушать, – это ты погоди, – положил ему руку на плечо Рыжиков, – ты скажи без своих насреддиновских хитростей: выпить есть?

– Б-б-б-б, – затянул было Сашка, но Борис его остановил:

– Да что ты сразу материться? Так даст. Есть ведь, Максимка?

Пока сторож лукаво улыбался блестящими глазами, таксера прорвало:

– Б-б-орис! За-за-чем так сразу? Мы ж ему леща принесли!

– Ах, да, – вспомнил притворно Рыжиков и вытащил из кармана куртки газетный сверток, в котором действительно оказался солидных размеров вяленый лещ, – Вот, смотри, закусон какой. Грех не использовать.

Лещ был действительно славный – бокастый, с крупной, седоватой от соли чешуей. Рыбалка была вечной страстью Рыжикова, страстью, которую отказывались понимать и принимать близкие, на которую не жалко было тратить невеликие последние деньги, и которая, так же как дача, позволяла на время забыться, убежать от бездушного, безжалостного города.

Максимка лещу обрадовался (он вообще рад был почти всему в жизни, принимая мир таким, какой он есть, безо всяких претензий и возражений), бросился вытаскивать из домика на улицу кривенький стол: дескать, посидим сейчас, посидим, да еще под яблонькой, как тут душе не запеть? И самогонка, естественно, появилась, где ее доставал тут сторож, никто не знал (может, и сам гнал тихими ночами), но только уж если кого прижимало утром – шли.

Он, как правило, не отказывал.

Леща разделала быстро, лихо, тут же и помидорчики появились (огурцы уже отошли, а покупные даже на закуску подавать считалось в «Огоньке» дурным тоном), еще икра какая-то овощная в банке. И разговор быстро пошел – благо, повод для беседы был несомненный: все о Томилине только и говорили.

– Жалко мужика, – уже без заикания твердо сказал Сашка, – и как он этого бомжа так удачно секатором шибанул? Специально захочешь – не получится.

– Бывает, – потянулся за помидорчиком Рыжиков, – в армии у нас один придурок так в столовой на вилку наткнулся, еле откачали. А вот у Максимки на родине, небось, мотыгами людей грохают.

Сторож кивнул все с той же с радостной улыбкой.

– Кузьму Сергеевича поддержать надо, – гнул свое Сашка, – может, к ментам сходить?

– Особенно тебе, – хохотнул Борис, – у тебя с ними отношения самые добрые...

Сашка жил на даче безвылазно с самого февраля, когда случилось ему на своем «жигуленке» с шашечками стукнуть на мосту иномарку, и не просто стукнуть даже, а с глубокого похмелья и с соответствующим перегаром. В результате Миронов лишился не только прав (а значит – и заработка), но и долгом оброс перед иномарочником. Пришлось срочно сдавать квартиру с предоплатой (где еще деньги взять?), а самому переселяться на дачный участок, хорошо, хоть зима выдалась не слишком холодная. Супруга – Людка укатила к матери в деревню, не насовсем правда, а до времен лучших, Сашка, нежданно вернувшись к холостой жизни, унывать не стал, занялся вплотную огородом и преуспел на этом поприще изрядно, даже на рынок урожай выносил.

– Значит, так, – уже определенно внятно сказал он после второй порции, – Сергеича без помощи оставлять нельзя. Помочь старику надо.

– Сына его была, – вставил свое Максимка, – к начальнику ходила, к Тон Ванычу. Заступись просила.

– Сына – это у нас в языке «он», – объяснил таксер, – Мужского рода, понимаешь? Знаю я Андрея Томилина. Мелкий мужик, хоть и коммерсант. Такой для виду потопчется, за отца попросит – и все, лапки сложит. Ни обидеться на такого, ни спасибо сказать. Да и нашел куда идти – к Корытину. Наш Антон Иванович зад бесплатно от табуретки не оторвет. Вечный кабинетчик...

3.

Город был разным. Один не то, чтобы любил Карпова, – скорее, терпел, другой – тихо ненавидел. Причем, ненавидел, отторгал мэра именно тот город, в котором он родился, где научился жизни и умению эту жизнь себе подчинять. Окраины были головной болью Игоря Павловича. Это в центре, на широких богатых проспектах удавалось высаживать клумбы, благоустраивать парки, наводить порядок в подъездах. Здесь открывались новые шикарные магазины, сюда нахраписто валил инвестор (взять того же Гусейнова), а там, на самом выезде в степь, откуда до ближайшей автобусной остановки – топать и топать, там жизнь шла своя, Карпову неподвластная. На выцветших зеленых заборах там по-прежнему радовали авторский глаз надписи типа «Машка – дура», и никого не волновало уже, что Машка эта давно замуж вышла, детей нарожала и муж ее умер от цирроза печени. Так же пахло мышами в маленьких местных магазинчиках. Так же никакой «Зелентрест» не обрезал крону здешних деревьев, они годами бесхозно росли, медленно и коряво, и в одном из них, как в детстве, можно было узнать оленя с ветвистыми рогами, в другом – целого слона с хоботом, а в каком-нибудь еще – обязательно Славку Логинова с его обаятельным носом-картошкой. Так же пахло здесь томящимся в печи углем, квашеной капустой и прелой листвой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.